

А.П. Глухов

МАСС-МЕДИА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК РЕСУРС ЭТНИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Томский государственный педагогический университет

На сегодня в связи с изменением основных конфигураций мировых угроз, способов ведения военных действий и, что немаловажно, характера легитимации войны как со стороны исламских террористов-фанатиков, так и со стороны противостоящей им антитеррористической коалиции назрела необходимость в трансформации самих аналитических подходов в конфликтологии и концептуализации основных понятий миротворческого/конфликтологического дискурса.

В период глобализации всех мировых проблем и превращения мира в «большую деревню», пронизанную потоками коммуникации, представляется перспективным проанализировать проблемы конфликта в терминах междисциплинарной теории коммуникации, которая хорошо дополняет структурно-функциональный подход. Общей парадигмой может выступить конструкционистский подход, утверждающий, что образ приемлемого мира и реальные или иллюзорные угрозы конструируются в сознании граждан в рамках коммуникативного пространства социальными акторами и институтами общества. Соответственно образ мира без войн или образ врага, представляющего реальную или воображаемую угрозу, выступает в качестве интеллектуального конструкта, создаваемого в общественном сознании под воздействием различных социальных акторов и институтов и спроецированного в оперативно достижимое будущее.

В горизонте коммуникативного подхода война рассматривается как последний акт и неизбежное следствие прекращения процесса коммуникации, разрыв коммуникационных связей и утраты общего коммуникативного пространства. Соответственно смещаются акценты интерпретации конфликтной ситуации: приоритетным становится анализ механизмов постепенного отчуждения сторон коммуникативного процесса, достижения внутренней солидарности общества за счет социального конструирования элитами образа врага и создания иллюзии внешней угрозы. В повестку дня миротворческого движения в горизонте коммуникационной парадигмы ставится мобилизация общественного мнения и гражданских ассоциаций на устранение стереотипов врага и наведение «мостов» коммуникации между враждующими сторонами прежде всего в информационном пространстве.

Коммуникативный подход позволяет выявить, что в общественном сознании граждан присутствуют различные, конкурирующие в пространстве общественного дискурса проекты разрешения уже существующих конфликтов или создания новых. Различные социальные группы, гражданские движения и институты общества выдвигают свои утверждения-требования относительно включения страны в контактно/конфликтный процесс. Такие социальные институты общества, как государство, армия, образование и экономика, церковь имеют собственные миро/конфликтные проекты и презентуют их обществу в поле конкурентной массовой коммуникации. Издержки и выгоды войны и мира могут иметь различный вес в рамках указанных социальных институтов. Так, например, если в контексте функционирования современной транснациональной экономики любой международный конфликт чреват кризисами и ростом цен на природные энергоносители, то в армейских кругах идея восстановления империи, достижения национального величия или наказания за прошлые обиды может возобладать над разумными аргументами, указывающими на слишком высокую человеческую цену военного разрешения подобных конфликтов.

Социальные акторы в поле массовой коммуникации стремятся убедить общество в выгодах своих миро/конфликтных проектов и необходимости добиваться приемлемого мира. Борьба групп влияния за доминирование миро/конфликтных проектов осуществляется в рамках таких тематических полей массового сознания, как сфера отношения к истории своего этноса и истории стран-соседей, сфера интерпретации государственной политики как направленной на огораживание/глобализацию, сфера интерпретации международных отношений и сфера формирования установок межличностного ситуативного общения с иноэтническими/инонациональными группами. Использование в подобной перспективе концепции «публичных арен» общественного дискурса С. Хилгартнера и Ч.Л. Боска [1] позволит высветить процессы формирования миротворческих/конфликтных установок в общественном дискурсе. В горизонте данного исследовательского подхода проекты приемлемого мира без войн рассматриваются как выдвигаемые социальными движениями и конкурирующие за дефицитный ре-

курс общественного внимания в рамках коммуникационного пространства, обладающего ограниченной пропускной способностью. В качестве стратегий успеха в конкурентной борьбе проектов выступают драматизация и оппозиция, апелляция к мифу или новизне, культурным предпочтениям или политическим пристрастиям аудитории. Культурные «контролеры» (gate-keepers) в лице правительственных ньюсмейкеров, ведущих журналистов, политических лидеров мнений устанавливают пункты повестки дня, провоцируя контактную/конфликтную мобилизацию.

В качестве важного исследовательского ресурса миротворческой проблематики может выступить комплекс социально-психологических теорий социальной идентификации, поскольку теории социальной идентификации позволяют выявить, каким образом акторы и институты общества, используя различного рода символические ресурсы и стратегии вовлечения, достигают мобилизации индивидов за счет солидарности/конфликта с теми или иными идентификационными группами по этническому, гражданскому социальному, религиозному или цивилизационному принципам.

Экспликация миро/конфликтных проектов в рамках «публичных арен» политики, средств масс-медиа, религии, социальных движений России демонстрирует, что за внимание аудитории конкурируют несколько предлагаемых сценариев для России. Либеральный сценарий предполагает постепенное вхождение в Европу и ЕС на основе признания приоритетности ценностей соблюдения прав человека и демократии. Подобный проект предполагает поддержание приемлемого мира с мусульманскими странами и странами Дальнего Востока, прежде всего с Китаем, за счет идентификации России с Западом и вхождения в западные, в том числе военные структуры (Евросоюз, НАТО). Либеральный проект позиционирования России как европейской страны последнее время пользуется малой популярностью среди населения России во многом благодаря вытеснению его из медийного пространства российских средств массовой коммуникации. Одним из ведущих на сегодня является евразийский проект балансирования России на основе существующих противоречий между Западом, исламским миром и набирающим геополитический вес Китаем. Этот проект выдвинут патриотически настроенными интеллектуалами-антизападниками и опирается на антизападную риторику и прагматическую практику игры на противоречиях между ведущими геополитическими игроками, свойственную в последнее время российскому руководству. Но все более в политическую повестку дня ставится проект возрождения империи на развалинах Советского Союза, являющийся наиболее чреватым

опасностями сценарием развития событий для России. Вялотекущий рефрейминг (переосмысление) истории властями России, проявившийся, в частности, в знаковом событии возвращения старого советского гимна, в переоценке фигуры И. Сталина, свидетельствует о притягательности идей национально-имперского возрождения. Власть все больше использует националистическую идеологию в качестве стратегии вовлечения и идентификации. По замыслу правящей элиты объединение на основе конфликтного противопоставления «коренных жителей» инородцам должно вызвать реакцию солидарности среди масс: последние действия в отношении грузинских мигрантов в России свидетельствуют как раз об этом.

Именно в данном ключе такие представители западной конструктивистской этносоциологии, как Э. Геллнер [2], Б. Андерсон [3] и Э. Хобсбаум [4] анализировали феномен «этнического предпринимательства», состоящий в солидарной мобилизации масс элитами на поиск этнического врага. Согласно логике конструкционизма, этничность, как интеллектуальный конструкт элиты, транслируется на потенциальных представителей этноса при помощи различных средств масс-медиа, системы образования, государственной риторики и т.д. Как показал анализ коммуникационных средств и дискурсивных механизмов формирования этногражданской идентичности, произведенный в ходе исследования «Общеобразовательная школа в качестве площадки межэтнической интеграции» при поддержке фонда РГНФ (проект № 06-03-00386а) группой исследователей лаборатории социологии образования ТГПУ, сама этничность представляет собой поле конкурентной борьбы между различными источниками трансляции этнической или гражданской идентичности (этнокоммуникаторами) через посредников (в частности, учителей как проводников гражданской идентичности), стремящихся донести свои этнопослания (этномесседжи) до детей-этнофоров с целью влияния на их идентичность. Использование парадигмы социального пространства как набора социальных полей борьбы за социальные ресурсы П. Бурдьё позволило в ходе исследования выявить наличные символические и социальные ресурсы, тактики и стратегии борьбы за предписание этногражданской идентичности детей мигрантов и беженцев, которые применяют различные социальные группы этнической мезо- и микросреды (семья, диаспора, учителя, миграционная служба, сверстники и т.д.).

Элиты, и российская элита здесь не исключение, стремятся произвести конверсию внутрисоциального конфликта между «власть имущими» и масса-ми в плоскость межэтнического конфликта, за счет чего повышается уровень консолидации между

«верхами» и «низами» внутри этнически однородной социальной общности.

В отечественной этнологической традиции трактовке этнической идентификации как сознательного или принудительного выбора «своей» социальной группы, как «навязанной» социальности посвящены работы российского конструктивиста В.А. Тишкова. Согласно В.А. Тишкову, этносы представляют собой продукт процесса нацистроительства [5]. Релевантными исследуемой проблеме формирования этнической идентичности на основе конфликта «свой-чужой» представляются идеи Ф. Барта о функциональном значении этнических границ и роли этнических маркеров в межэтническом общении и восприятии на личностном уровне этнофоров.

Велика роль современных масс-медиа (прежде всего, телевидения) как в эскалации различного рода этнических и межгосударственных конфликтов, так и в поисках компромисса и достижении консенсуса. Сами современные средства массовой коммуникации представляют собой мощнейший инструмент формирования общественного мнения и соответственно часто используются политико-экономическими элитами в качестве орудия манипуляции и суггестии.

К сожалению, XX в. продемонстрировал скорее негативные примеры использования медиа в качестве катализаторов вооруженных конфликтов и мировых войн. Собственно осмысление проблематики воздействия средств масс-медиа на аудитории в рамках зарождающейся в 20-е годы прошлого столетия социологии массовых коммуникаций и началось с констатации беззащитности отдельной личности и общественного мнения в целом перед рупором средств массовой коммуникации (СМК). Как отмечает российский социолог Л.Н. Федотова, во время Первой мировой войны пропагандистский аппарат воюющих стран использовал всю мощь разветвленной прессы. «Газеты втянули нас в войну», – так выразился по этому поводу пионер медийных исследований К. Ховланд [6, р. 162]. Старая как мир, но от этого не менее эффективная стратегия национальных и государственных элит на конфликтную мобилизацию масс с целью отвлечения от внутрисполитических проблем и достижения социальной солидаризации на почве вражды к внешнему противнику получила в лице масс-медиа фантастически эффективное орудие. В 30-е годы пропагандистская машина тоталитарных государств довела тактику манипуляции сознанием с целью раздувания расовой и классовой нетерпимости, ксенофобии и агрессивности до совершенства.

Каковы же коммуникативные технологии конфликтной мобилизации на уровне общественного сознания страны, используемые масс-медиа? На сегодня можно выделить несколько медийных техно-

логий, используя которые средства масс-медиа развязывают информационную войну, выступающую обычно прелюдией реальному разворачиванию насильственных конфликтов и полномасштабных боевых действий.

Одной из них является вялотекущая конверсия пунктов повестки дня (agenda), привлекающих повышенный общественный интерес, в результате чего социальные проблемы бедности, социальной справедливости, доступности образования отходят на второй план в сравнении с внешними угрозами национальному суверенитету или этнической идентичности.

Как утверждал автор концепции «установления пунктов повестки дня» Б. Коэн: «пресса не может заставить людей думать определенным образом, но может указать своим читателям, о чем думать» [7, с. 90]. Подобный прием успешно применялся в период Первой мировой войны, когда «огонь разгоревшихся классовых битв» удалось затушить с помощью раздувания в массовом сознании стран-участниц волны национализма и шовинизма. В период Веймарской республики поражение Германии в войне было определено не без помощи газет причиной экономического кризиса и жизненных трудностей простого населения, а энергия социального недовольства была переориентирована в требования реванша. Борьба с терроризмом в США отвлекает внимание общественности от внутрисполитических провалов администрации президента Дж. Буша-мл. О феномене «этнических предпринимателей», получающих дивиденды в результате противопоставления и негативной этнической идентификации по схеме «мы-они», пишут представители новой конструктивистской этнологии Э. Геллнер и Б. Андерсон.

Еще одним эффективным приемом усиления вражды и сужения коммуникационных контактов выступает этническое или национальное огораживание. Свой этнос или страна определяются как превосходящие все другие этносы или культуры, которые соответственно рассматриваются как низшие или потенциально враждебные. Благодаря суггестивному воздействию масс-медиа, у населения создается впечатление существования в окружении кольцом врагов. Идеи расового превосходства и этнического огораживания через недопущение межрасовых браков в наиболее явственном виде были выражены в нацистской идеологии и успешно транслировались через германские газеты и прессу, но в том или ином виде они присутствовали в информационном поле и политике всех стран гитлеровской коалиции. Иллюзия окруженности врагами по всему периметру границ и сегодня успешно конструируется в сознании аудиторий стран-изгоев, таких, как Северная Корея или Куба, в условиях

тоталитарного диктата над информацией, распространяемой средствами масс-медиа.

Прием стигматизации на основании этнического или классового признака является еще одним эффективным средством катализа конфликтного поведения. Нагнетание национальной нетерпимости к «иногородцам» и назначение «козлами отпущения» тех или иных этнических меньшинств, будь то евреи в гитлеровской Германии или «лица кавказской национальности» в современной России, – распространенный прием эскалации конфликтов, реализуемый часто не без помощи средств масс-медиа. Подобный метод «наклеивания ярлыков» неизбежно приводит к взаимному отчуждению и усилению вражды между доминирующим этносом и этническими меньшинствами. Так, для арабов евреи Израиля выступают источником всех бед и причиной экономической стагнации, поскольку поиск истинных причин неудачи модернизационных процессов на Ближнем Востоке слишком болезнен для национального самолюбия.

В обществах с господствующими авторитарными и тоталитарными режимами при отсутствии альтернативной коммуникативной среды СМК из средств объективного и непредвзятого информирования общества превращаются в орудия агитации и пропаганды. Утрачивая функцию медиумов реальной коммуникации между различными социальными группами общества, они взамен приобретают функцию социального конструирования мифологической реальности, которая носит чисто виртуальный характер.

Тоталитарные и авторитарные режимы, покоящиеся на страхе своих подданных, вынуждены в целях собственной легитимации выстраивать мифологию противостояния и конфликта. Миф «осажденной крепости», конструируемый и транслируемый на массы населения с помощью подконтрольных средств масс-медиа, включает в себя историко-патриотические мифологические нарративы, установку на идентификацию со стереотипной позитивной референтной группой и стереотипный образ врага.

Мифологические нарративы о былом величии и неизбежном его возрождении, мифология «почвы и крови» являлись фундаментом человеконенавистнических идеологий XX в.: Б. Муссолини обещал восстановить былое величие Рима, а А. Гитлер предвещал время тысячелетнего третьего Рейха. В российском варианте почвенной идеологии исключительность и особая роль России в мировой истории подкреплялись формулой «Москва – третий Рим». В условиях отсутствия свободного доступа к альтернативной информации масс-медиа авторитарных и тоталитарных режимов конструируют свою историю этноса или страны, отличную

от объективной интерпретации событий.

Негативный образ врага увенчивает мифологию противостояния. Стереотип врага часто совмещает в себе недочеловеческие и сверхчеловеческие качества. Противник рисуется одновременно как недочеловек, истребление которого не является преступлением перед человечностью, поскольку он стоит на нижней ступени социальной эволюции или иерархии, но в то же время он обладает сверхчеловеческим коварством и хитростью, что увеличивает угрозу, а следовательно, заставляет сплотиться вокруг властвующей элиты. В рамках массовой культуры образ врага приобретает порой карикатурные клишированные черты.

В российском телевизионном медийном пространстве нового тысячелетия присутствуют скорее негативные тенденции стимуляции нетерпимости и ксенофобии, чем призывы к толерантности и терпимости. В общественном сознании россиян, являющихся целевой аудиторией общенациональных телеканалов, вновь возрождается миф о былом величии и могуществе Советской империи.

Отсюда уже недалеко и до идеи реванша, построения новой империи за счет присоединения соседей в лице независимых государств. В информационном пространстве конструируется образ страны – «осажденной крепости», которую все соседние недружественные страны (особенно Украина, Грузия, прибалтийские государства и др.) норовят «обидеть». В Веймарской Германии подобного рода «обидчивость» немцев в отношении стран-победительниц Первой мировой войны привела к власти фашистов и стала, по существу, одной из причин развязывания Второй мировой войны. В демонстрируемой по телевидению продукции массовой культуры, различного рода сериалах и документальных фильмах все чаще «силовики», «человек с ружьем» изображаются в качестве героев, способных решить все внутренние и внешние проблемы страны. Стереотипный «образ врага» на российском ТВ все более явственно приобретает этнические определенные черты. В качестве виновников всех бед и трагедий, происходящих в России, изображаются либо таинственные арабские террористы с их заграничными западными покровителями-спонсорами, либо «лица кавказской национальности». Нелегальные иммигранты, в основном из азиатских стран, также выступают в качестве стереотипных «вредителей», мешающих нормально жить «коренному населению». Отсюда, например, закономерно появление агитационного ролика партии «Родина» Дм. Рогозина в Москве (со слоганом в отношении мигрантов «Очистим город от мусора!»).

К сожалению, противоположных примеров стремления к толерантности, желания выступить в качестве «публичной арены» для обсуждения важ-

ных социальных проблем, хотя бы той же проблемы нелегальной иммиграции, в российском медийном пространстве остается все меньше и меньше. В то же время у российских журналистов имеется

позитивный опыт разрушения стереотипов «холодной войны» и наведения «мостов» между национальными аудиториями в период горбачевской перестройки.

Литература

1. Hilgartner, Stephen and Bosk, Charles L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. № 1. July.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
6. Hovland C. Effects of the Mass Media of Communication/Lindzey G. (ed.) Handbook of Social Psychology. Vol. II. Reading, Mass., Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1954.
7. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: Методология анализа и практика исследований. М., 2002.

Н.А. Лярья, Т.А. Титова

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Томский государственный педагогический университет

В настоящей статье мы ставим две задачи: 1) показать необходимость признания духовного фактора определяющим в политике взаимодействия между государствами, сформулировать предложения для документов ООН, ЮНЕСКО и других общественных организаций; 2) показать реальные возможности образовательной системы в подготовке к ненасильственному образу жизни. В современном мире глобализм становится характерной чертой существования планеты. Война, терроризм, экологические катастрофы не знают границ, и от них не застрахована ни одна страна. Отдельные страны, большие и малые, на всех континентах оказываются не готовыми к их решению не только по техническим причинам, но и по самому принципу их разделенности из-за различных политических устройств, конфессий, взглядов, идеологий. Необходимо признать, что человечество вступило на *новый эволюционный этап развития*, когда необходимо найти адекватный ответ глобальному вызову. В условиях глобализма существует одна самая важная задача: найти взаимопонимание, обеспечить **единство** всех народов для того, чтобы выжить. Преодолеть эти глобальные проблемы можно только в том случае, если будет найден адекватный ответ – фактор, который поможет обрести единство всему человечеству, то, что сможет объединить всех людей в единое целое, что сможет обеспечить коллектив-

ное осознание, обеспечивающее мир, благополучие, благосостояние всей планете, а не отдельному государству. И этот фактор – *приоритет духовных ценностей*, признание их определяющими в политике взаимодействия между государствами. Чтобы показать это, необходимо осознать, чего не хватает сегодняшнему миру, чем он характеризуется, что было главным завоеванием предшествующего этапа развития. Важнейшим достижением нашей цивилизации является безусловное осуждение всякого насилия над личностью. В мировом масштабе это осуждение нашло выражение в двух формах:

– в создании международной организации – ООН, которая явилась ответом на Вторую мировую войну и призвана решать проблемы мира и взаимодействия между народами, а также в принятии Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, признающей высшими ценностями достоинство человека, свободу и равенство всех людей, независимо от их национальных, религиозных, расовых и др. различий;

– в освобождении всех стран от колониальной зависимости, и, главное, освобождении Индии путем *ненасильственной борьбы* Ганди.

Эти две линии развития наблюдаются и в настоящее время. Идеи демократии поддерживаются многими странами. Однако не все страны поддер-